
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 398.8(=512.212)
DOI 10.25587/SVFU.2022.27.71.005

А. Н. Варламов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия
E-mail: ataki2006@yandex.ru

Исторические традиции эвенкийского коллективного запева Ёһорье

Аннотация. Публикация посвящена традициям музыкального фольклора эвенков. В исследовании представлены описание и анализ эвенкийского коллективного запева Ёһорье, являющегося знаковым элементом культурных традиций эвенков западной группы. Актуальность публикации обусловлена необходимостью восстановления этнографических традиций локальных этнических групп в условиях утраты значительного пласта этнической культуры в эпоху глобализации. Целью исследования является представление объективного описания исходных этнографических традиций, связанных с коллективным запевом Ёһорье. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: сбор и публикация описаний коллективного запева из материалов исследований разного исторического времени; описание структуры, ритма и движений коллективного действия; определение взаимосвязи запева с типологическими традициями эвенков разных групп; выявление взаимосвязанных мировоззренческих и ритуальных традиций эвенков. Новизна публикации заключается в определении этимологии и исходного культурогенеза запева. Для решения поставленных задач избраны описательный, сопоставительный методы, а также метод лингвистического анализа. В рамках данного подхода культурный элемент музыкального фольклора эвенков рассмотрен с позиции общности и локальной специфики традиций устного народного творчества. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы: рассматриваемый запев является характерным культурным элементом этнографического комплекса разных локальных групп западных эвенков; запев имеет архаическое происхождение и взаимосвязан с ритуальными традициями эвенков; этимология основных строк запева связывается с символикой кровного родства; структура запева типологически соответствует культурным традициям северных тунгусов; наиболее древним следует считать вариант запева, схожий с запевами эвенов и восточных эвенков. Перспективы дальнейшего исследования научной темы связаны с деятельностью в рамках сравнительно-сопоставительных исследований коллективных запевов разных локальных групп северных тунгусов и научно-практической деятельности по восстановлению музыкальных традиций тунгусо-маньчжурских народов.

Ключевые слова: эвенки, северные тунгусы, музыка эвенков, песенное творчество эвенков, запев Ёһорье, круговой танец эвенков, эвенкийский танец, запев Хэдьэ, обряды эвенков, культ медведя, культ предков.

A. N. Varlamov

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy
of Sciences Siberian Branch, Yakutsk, Russia,
Email: ataki2006@yandex.ru

Historical traditions of the Evenki Collective Solo *Yohor'e*

Abstract. The publication is devoted to the traditions of the Evenki musical folklore. The research presents a description and analysis of the Evenki collective solo *Yohor'e*, which is a significant element of the cultural traditions of the Evenki of the western group. The relevance of the publication is due to the need to restore the ethnographic traditions of local ethnic groups in the face of the loss of ethnic cultural significant layer in the era of globalization. The purpose of the research is to present an objective description of the original ethnographic traditions associated with the collective solo *Yohor'e*. The following tasks defined to achieve this goal: collection and publication of the collective solo descriptions from research materials of different historical periods; description of the structure, rhythm and movements of collective action; identification of the link of the solo with the typological traditions of the different groups of the Evenki; revealing the interlinked ideological and ritual traditions of the Evenki. The novelty of the publication lies in the definition of the etymology and the initial cultural genesis of the solo. The following methods chose to solve the tasks: descriptive, comparative methods, as well as the method of linguistic analysis. As part of this approach, the cultural element of the Evenki musical folklore considered from the position of commonality and local specifics of the folklore traditions. The results allow us to draw the following conclusions: the solo is a characteristic cultural element of the Evenki ethnographic complex of different local groups of Western Evenki; the solo has archaic origin and is interlinked with the ritual traditions of the Evenki; the etymology of the main lines of the solo associated with the symbolism of consanguinity; the structure of the solo typologically corresponds to the cultural traditions of the northern Tungus; the most ancient variant of the solo should be considered, similar to the solo of the Evens and Eastern Evenki. The prospects for further research of the scientific topic associated with the activities in the approach of collective solo comparative studies of various local groups of the northern Tungus and applied scientific-practical activities to restore the musical traditions of the Tungus-Manchu peoples.

Keywords: Evenki, northern Tungus, Evenki music, Evenki songwriting, solo *Yohor'e*, Evenki circle dance, Evenki dance, solo *Hed'e*, Evenki rituals, Evenki shamanism.

Введение

Публикация посвящена этнографическим традициям западных эвенков, обозначаемых в науке носителями катангского антропологического типа байкальской расы. В междисциплинарном исследовании осуществлены описание и анализ эвенкийского коллективного запева *Ёһорье*, являющегося ярким элементом культурных традиций

западных эвенков (томских, енисейских, катангских, северо-байкальских, верхнеленских, оленёкских, вилюйских, баунтовских и др.). Актуальность публикации обусловлена необходимостью восстановления этнографических традиций локальных этнических групп в условиях утраты значительного пласта этнической культуры в эпоху глобализации. В настоящее время заповь Ёнорье встречается в живом бытовании в среде немногих локальных групп эвенков, а существующие варианты запева в большей степени могут быть охарактеризованы как современная стилизация. Целью исследования является представление объективного описания исходных этнографических традиций, связанных с коллективным заповем западных эвенков. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: сбор и публикация описаний коллективного запева из материалов исследований и сообщений разного исторического времени; описание структуры, ритма и техники движений участников коллективного действия; определение взаимосвязи запева с другими типологическими традициями тунгусов; выявление взаимосвязи запева с мировоззренческими и ритуальными традициями эвенков. Новизна публикации заключается в определении исходного культуругенеза и этимологии запева, не обозначенных в предыдущих исследованиях.

Для решения поставленных задач избраны описательный, сопоставительный методы, а также метод лингвистического анализа. В рамках данного подхода культурный элемент музыкального фольклора эвенков рассмотрен с позиции общности и локальной специфики традиций устного народного творчества. Теоретической базой исследования послужили труды А. М. Айзенштадта, М. Я. Жорницкой, Ю. И. Шейкина, Г. И. Варламовой и др. отечественных специалистов музыковедения и фольклористики. Основными материалами для исследования послужили описания традиций исполнения рассматриваемого коллективного запева у эвенков разных групп, зафиксированные Р. К. Мааком, А. Мордвиновым, М. А. Чаплицка и др. исследователями. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в деятельности творческих коллективов и исполнителей из народной среды. Кроме этого, материалы исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов по этнокультуре эвенков в вузах гуманитарного профиля.

Описание коллективного запева Ёнорье в публикациях исследователей и путешественников

Впервые коллективный эвенкийский заповь *Ёнорье* был описан исследователями и путешественниками в 50–60-х гг. XIX в. Р. К. Маак во время экспедиции по Вилюйскому округу в 1859 г. кратко представил коллективный заповь вилюйских эвенков: «Въ противоположность якутамъ тунгусы большіе любители танцевъ и весьма не трудно уговорить ихъ потанцевать. Пляшутъ они всегда нарядившись въ свои ровдужные (замшевые), богато вышитые бисеромъ, кафтаны. Въ танцахъ, по крайней мѣрѣ, въ видѣнныхъ мною, принимаютъ участіе только молодые: дѣвицы и парни составляютъ кружокъ, берутъ другъ друга за руки такимъ образомъ, чтобы пальцы одного приходились между пальцевъ другаго и затѣмъ кружатся, выдѣлывая разныя па. Танцуя, они подпѣвають *хырья, хырья, хырья*, сначала довольно тихо, потомъ все громче и громче. Постепенно и самая пляска дѣлается азартнѣе и под конецъ доходить до бѣшенства, продолжаясь иногда (особенно, если танцоровъ угостить и одарить) нѣсколько часовъ сряду. Тунгусы большіе охотники и до пѣсенъ и между тунгусскими пѣснями встрѣчаются довольно поэтичныя» [1, с. 116]. А. Мординов в публикации, посвященной описанию инородцев Туруханского края (1860 г.), описал коллективный заповь эвенков, указав на ритуальный характер (исполнение по торжественным случаям; движение вправо и влево; наличие шеста в середине круга участников действия) и опубликовав текст основных запевных строк: «*ехорь-э, ехорь-э, ехорь-э, чехъ, чехъ, чехъ, ехорь-э, или хай-канъ-хачу, хай-канъ-хачу*» [2, с. 35–36]. П. Кларк в издании 1863 г. опубликовал

краткое описание коллективного запева очеульских и тутурских эвенков, в котором выделил движение коллектива по солнцу, цикличность запева (от медленного к быстрому темпу, и наоборот), строгое соответствие ритма движений и пения [3, с. 93–94].

В описании Р. К. Маака, П. Кларка и А. Мордвинова обнаруживаются важные этнографические детали, сопровождавшие коллективное действие, которые соответствуют культурным традициям разных групп эвенков:

1. привязанность коллективного действия к важному событию, о чем свидетельствует необходимость использования праздничной одежды и указание об обязательном исполнении во время свадеб и редких встреч;

2. исходный ритуальный характер коллективного действия, на что указывает наличие ритуальных элементов одежды – для участия в коллективном запеве-танце эвенкийки, кроме праздничной одежды, надевали специальные пояса с колокольчиками [4, с. 29]; движение по солнцу, символизирующее взаимосвязь действия с культом солнца, жизнью [5, с. 156–157; 6, с. 183] и устанавливаемый в центре круга шест [7, с. 112] – символ пути в верхний мир, подобно шаманской жерди *туру*;

3. характерный хват рук, указывающий на стремление к максимальному единению участников коллективного действия;

4. важное значение функции импровизации в запеве;

5. изменение ритма движения в процессе исполнения коллективного запева-действия;

6. значительную длительность действия, исчисляемую часами непрерывного исполнения – в материалах И. М. Сулова имеется запись об исполнении традиционного Ёһорье в течение ночи с 25 на 26 июня 1926 г. в местности у устья р. Байкит, которым был завершён съезд восьми тунгусских родов [8];

7. характер движения – переступание перекрестным шагом с помещением ступни правой ноги за ступню левой, либо прыжковый тип движения с отталкиванием с правой ноги, приземлением на левую и приставлением правой ступни.

М. А. Чапличка во время экспедиции к илимпийским эвенкам в 1914-1915 гг. подробно описала структуру запева и детали характера движений участников. Приведем дословный перевод описания с английского языка: «Образуется большой круг мужчин и женщин, не обязательно попеременно, а иногда мужчины и женщины из разных кругов. Каждый кладет правую руку под левую руку соседа, руки согнуты так, чтобы сложенные ладони были сближены перед телом. Потом все вместе, выдерживая припев, отводят левую ногу в сторону коротким шагом, одновременно бросая верхнюю часть корпуса немного вперед. Затем правая нога отводится за левую, это движение сопровождается легким рывком тела назад. Двойное движение стопы сначала влево, потом вправо, пронесит весь круг по кругу по часовой стрелке и попеременная амплитуда бедер влево и вправо сопровождает движение тела вперед и назад. Это кружение длится часами, некоторые танцоры иногда выбывают, тогда их место занимают другие» [9, р. 117–118]. Анализ представленного описания свидетельствует о преобладании прыжкового типа движений при исполнении запева Ёһорье, так же как в распространенном коллективном запеве *Хэдьэ* (эвены), *Хада/Хадэ* (эвенки), *Хадю* (негидальцы).

Как видим, описания запева Ёһорье, опубликованные в исследованиях разного исторического времени, позволяют определить многие культурные признаки, представляющие собой как типологические признаки жанра коллективного запева-танца эвенков, так и специфические черты, выделяющие в числе прочих запев Ёһорье.

Исходная этимология запева Ёһорье

В описании М. А. Чапличка весьма важным является точное фонетическое описание запевных строк, что позволяет определить их исходную этимологию. Приведем дословное описание исследовательницы с целью анализа значения текста: «Всегда есть

лидер, который поет что-то вроде речитатива со своими словами и припев энергично подхватывается хором всех танцующих:

Haiko-haikan!
Oho-gaikan!
Handikadzyem!
Yahore, yahore!
Yahore, y-a-a-a!» [9, p. 117–118].

Ниже представляем дословный перевод запевных строк с эвенкийского языка:

Хайко-хайкан! – Призыв, досл. «Кровные родственники, сородичи!», от *ha/hэ* – «родственник», «кровный родич, сородич» [10, с. 536] + *-й* (суфф. формы обращения) [11, с. 757] + *-кон/кан/кэн* (суфф. уменьшения, ласкового обращения) [11, с. 759].

Охогайкан! – «Запоем [ритуальный ёхэрьё]!», от *эхээн/охокон* – диалектное название хоровода «ёхэрьё», *эхэннэ-ми* – «плясать», «вести хоровод» [10, с. 788; 12, с. 471] + *-кан/кэн* (суфф. игрового, ритуального действия, суфф. подражания) [11, с. 760]. Возможно, этимология запевной строки связана с символом медведя-предка – от диалектн. *oho/эһэ* – «медведь» [10, с. 476, 788], либо запевом *Осорай*, значение которого, по мнению Г. И. Варламовой, происходит от ритуальной терминологии подготовки места для обряда [4, с. 26].

Ханэкажэм! – «Пою свою песню-импровизацию [созывая людей]», досл. «Словом запевным призываю», от *хан-ми, ханда-ми, ханде-ми* – «петь импровизации» [12, с. 543; 12, с. 314] + *-ка* (суфф. вторичной глагольной основы) [11, с. 758] + *-де* (суфф. вида процесса действия) [11, с. 755] + *-м* (личный суфф. 1-го л. ед. ч.) [11, с. 769].

Яһорье, Яһорье! – «Призыв родственников, сородичей», досл. «Родня! Родня! (по отцовскому роду)», от корн. осн. *ja/jэ/jо > jac/jaco/jасу/jасуу* – «род», «поколение [рода]» > *jaja/jэjэ/jоjо* – «название родства 3-го класса», «отец отца» [13, с. 64] + *-ha/hэ/ho* (суфф. собирательности) [11, с. 794] + *-р* (суфф. мн. ч.) [11, с. 784] + *-е/ё/я* (суфф. звательной формы, суфф. обращения) [11, с. 799].

Первая строка запева «Хайко-хайкан» имеет единый генезис с этнографическими традициями музыкального фольклора некоторых восточных групп северных тунгусов, а именно с запевом *Хэдьэ/Хада/Хадю* (эвены, негидальцы, а также майские, аяно-майские, тугуро-чумиканские, удские и урмийские эвенки) [14]. Этимологию основной запевной строки *Ёһорье/Яһорье* следует непосредственно связывать с распространенной лексемой *дя/де* – термин, обозначающий в разных тунгусо-маньчжурских языках кровное родство, досл. «кровный родственник», «сородич» [10, с. 193, 214; 15, с. 239]. В этнографических традициях разных тунгусских групп существуют коллективные запевы, значение которых происходит от названной терминологии. Так, у разных групп эвенов популярными являются запевы *Дехонди, Дехрие, Дьяһурья* [16, с. 10; 17, с. 79-81; 18, с. 304], а у солонов Китая – *Dehurjэ, D`ahurja* (по материалам автора). Как видим, запевы *Ёһорье/Яһурья, Dehurjэ/Дехрие/Дехонди*, как и *Хэдьэ/Хада/Хадю* представляют собой символ кровного единства, общности на межродовом, внутри-этническом уровне.

Таким образом, можно предполагать о непосредственной взаимосвязи этимологии основных запевных строк с символикой кровного родства, о чем наглядно свидетельствуют лексемы, из которых складывается запев на основе агглютинативной структуры эвенкийского языка.

Ритуальный генезис запева

Исторически все основные известные коллективные запевы эвенков в той или иной степени связаны с ритуальными традициями, в т. ч., непосредственно, шаманскими. Г. И. Варламова правомерно отмечает, что эвенкийский хоровод ближе к игре, обряду, нежели к пению [4]. Первое свидетельство о взаимосвязи коллективного танца

с шаманским камланием встречается в описании руководителя картографической экспедиции сержанта С. Попова, исследовавшего территории Вилуйского округа Якутской области и Киренского уезда. В 1794 г. им было кратко описано камлание катангских эвенков, во время которого исполнялся круговой запев-танец [19]. Г. М. Василевич в начале 30-х гг. XX в. записала два варианта ритуального запева *дяричин* с запевными строками «jəhɑp jə», «əhɪrjə», посвященными стихии ветра (первый) и культовому образу луны (второй). Приведем фрагменты запевов с переводом, представленным Г. М. Василевич:

- «Jəhɑp! Jəhɑp! Jəhɑp jə!
Jə! Jəhɑp! Jəhɑp! Jəhɑhɑp! Jəhɑp jə!
Hɪnɔdɛ! Nɔdɑm ədɪn! Ədɪn!
Hədugə! Hədugə! Ədu! Ədugə!..
– Йохэр! Йохэр! Йохэр йо!
Йо! Йохэр! Йохэр! Йохахар! Йохэр!
О ветер! Ветер! Ветер! Ветер!
Ходюго! Ходюго! Ходю! Ходюго!..» [20, с. 142];
- «Pətrəladəmili beja Əhɪrjə! Jəhɪrjə!
Ena polademi beja əhɪrjə! Jəhɪrjə!
Əhəgəi jə həgaj! Ikan! Ikan! Ikan!..
– Всевидящая луна йохирьо! Йохирьо!
Что видящая луна йохирьо! Йохирьо!
Эхэгой йо! Хогай! Икан! Икан! Икан!..» [20, с. 143];

Анализ коллективных запевов эвенков убедительно демонстрирует их исходный генезис во взаимосвязи непосредственно с обрядовым действием. Например, эвенкийский запев *Дэвэ*, очевидно, связан своим происхождением с древне-тунгусским культом охры: «Синтез песни и танца в хороводах эвенков отражается и в текстах песен, где ярко проступают черты былой обрядности. Например, упомянутый запев *Дэвэ* и танец *Дэвэ* восходят к слову *дэвэ-ми* – “красить охрой”, дэвэ “охра” [4, с. 25; 5, с. 155-156; 21, с. 82-83].

Происхождение запева *Ёһорье* имеет ритуальный генезис и связывается не только с символикой кровного родства, отцовского рода, шаманскими традициями, но и с культом медведя-предка. В традициях некоторых групп эвенков запев *Ёһорье* зафиксирован как часть обязательных ритуальных действий, выполнявшихся после удачной охоты на медведя. А. Ф. Анисимов в публикации, посвященной культу медведя у эвенков, выделил коллективный запев-танец как обязательную часть “медвежьего” ритуала. Описывая ритуальный вариант запева, исследователь указывает на важные специфические традиции «медвежьего *Ёһорье*»: пантомима, основанная на подражании ворону; обязательное условие мужского исполнения (старший, опытный охотник); движение влево (проводы души медведя в другой мир – к закату солнца) и вправо, к восходу солнца (ритуал жизни). В описании А. Ф. Анисимова детали, характеризующие коллективный запев, указывают на важность ритма движения, звукоподражания и на значительную длительность ритуального действия [22].

Как видим, происхождение запева *Ёһорье* имеет непосредственную связь с обрядовыми традициями северных тунгусов, а именно с началом распространения шаманизма, патриархата и культа медведя-предка.

Варианты запева *Ёһорье*

Запев *Ёһорье* имел различные локальные варианты, на что указывают результаты исследований музыкального фольклора эвенков. А. Ф. Кустов отмечает, что варианты запева *Ёһорье* отличались в рамках локальных групповых и родовых традиций. По мнению исследователя, существовало более ста вариантов мелодии запева, схожих в своей основе по манере исполнения [23].

Несколько вариантов запева Ёнорье записано А. М. Айзенштадтом от северо-байкальских, баунтовских, подкаменно-тунгусских и ниже-тунгусских эвенков в 60–70-х гг. XX в. Ритм, мелодия и содержание запевов весьма разнообразны. Для подтверждения приведем фрагменты некоторых запевов:

- «Ехорье-ко ехорье,
Ичэлдын гэрбидун,
Ехорье, ехорье,
Эвиллэн гэрбидун...
– Ехорье-ко, ехорье,
В честь встречи,
Ехорье-ко, ехорье,
В честь игры...» [24, с. 178];
- «Нококови нгачиндиям,
Ехор-ехорай.
Дюлески(да) нгэнэвдем,
Ехор-ехорай...
– Я своего ребенка позову,
Ехор-ехорай.
Вперед (его) поведу,
Ехор-ехорай...» [24, с. 188];
- «Ехорь-е, ехорь-е, ехорь-е,
Нгодеко, нгодеко,
Нгодеко, хэвденэ
Хэкимдэйдэнэ гиркудыам...
– Ехорь-е, ехорь-е, ехорь-е,
Чудный запах,
Запах, весело,
Пританцовываю иду...» [24, с. 194].

Отметим, что труд А. М. Айзенштадта представляет собой ценный источник этнографического материала, т. к. записанные им тексты музыкального фольклора эвенков, в т. ч. тексты коллективного запева Ёнорье, сопровождаются нотами [24]. Некоторые тексты Ёнорье, записанные А. М. Айзенштадтом от забайкальских и красноярских эвенков, качественно нотированы Ю. И. Шейкиным [25]. По мнению специалистов музыковедения, запев Ёнорье имеет несколько мелодических типов, среди которых наиболее распространенным является кварто-квинтовый [24–25].

Таким образом, опираясь на свидетельства и описания исследователей, можно с уверенностью предполагать о значительном разнообразии локальных традиций, основывающихся на бытовании запева Ёнорье.

Старинный Ёнорье

Основываясь на имеющемся материале, можно с уверенностью предполагать о том, что наиболее древним, исходным типом запева Ёнорье следует считать вариант с примерами, зафиксированными А. Мордвиновым и М. А. Чаплицка, на что указывает типологическая структура запевов, приближенная по форме к ранней стадии песенного творчества человека (как и в Хэдьэ/Хада) [14]. Этот вариант запева продолжал бытовать в первой половине XX в. в среде некоторых групп западных эвенков. В настоящее время свидетельств о бытовании исходного (наиболее древнего) варианта Ёнорье нет, однако, по сведениям, записанным от эвенков Оленёкского района Якутии нам удалось составить общее описание структуры, ритма, движений запева-танца и записать схожие запевные строки.

По нашему мнению, исходный вариант коллективного запева Ёнорье структурно не отличался от большинства эвенкийских запевов и состоял из следующих

композиционных стадий: 1) запов-призыв (кровных родственников, сородичей); 2) предложение исполнить конкретный запов (Ёхорье); 3) краткая характеристика запева (его ритуальной природы, значимости, древности); 4) обозначение повода исполнения действия; 5) указание на порядок движения, специфику действий коллектива; 6) личная импровизация, подзадоривание участников действия и сатира в отношении тех, кто не участвует; 7) передача эстафеты другому ведущему действия (следующему запевале).

Текст запева представляет собой короткие ритмизированные строки, периодически чередующиеся с основными – различные варианты строки Ёхорье (как в варианте, записанном М. А. Чаплицка). Движения запева представляют собой сочетание двух типов: перекрестный шаг с перенесением правой ступни за левую (для медленного темпа движений); прыжковые движения с приставлением правой ступни к левой (для быстрого темпа). Тело легкими маятниковыми движениями переносится с одной опорной ноги на другую. Колебания рук участников не имеют большой амплитуды – среднее положение предплечий колеблется от 70 до 110 градусов относительно вертикали. На один цикл движения ног и тела совершается один (при медленном темпе) или два (при быстром) цикла колебательных движений рук (снизу вверх). Неравномерный циклический ритм действия, техника движений участников, длина и рифма заповных строк сближает старинный Ёхорье с некоторыми вариантами эвенского Хэдьэ, подробно описанными и нотированными М. Я. Жорницкой [17]. Наиболее близкие аналогии из современной традиции живого бытования обнаруживаются в запеве Хэдьэ аллаиховских эвенов Якутии. Близким типологическим примером является вариант коллективного запева Хэдьэ в исполнении талантливого носителя традиций устного народного творчества М. И. Дуткина.

В заключение приведем фрагменты подробного описания М. Я. Жорницкой, в которых обнаруживаются другие важные элементы, характерные для запева Ёхорье: «Организаторами танца всегда выступали мужчины-запевалы. Их называли «сапка эвилэн». Запевала с двумя-тремя своими товарищами выходили на середину поляны и начинали запов, что служило сигналом для всех желающих принять участие в танце. Постепенно к запевалам присоединялись женщины и мужчины и образовывали круг, продвигающийся по ходу солнца. Когда набиралось достаточное количество исполнителей, они брались под руки, переплетали кисти гребенкой, и круг замыкался. Темп продвижения по кругу все убыстрялся... В этом запеве встречались слова, служившие своеобразными командами-указаниями, как следует танцевать: “отынначин” (плавно), “отысал” (тихо, спокойно), “дэжел дэжел” (летите, как птицы), “минчаньэчин” (танцуйте прыжками) и др... Шаг должен быть “эимкун”, т. е. легкий, короткий... Медленный вначале танец постепенно набирал все более быстрый темп, а запевала, вдохновляя исполнителей, выкрикивал: “инмат, инмат!” (быстрее, быстрее)... Многие запевы-импровизации были посвящены солнцу, которому выражали благопожелания... игра-танец “Ёхорье” проходила очень весело. Среди запевал было немало шутников, которых называли “каралдывки”. Во время танца они неожиданно заявляли, что выдохлись и передавали запов другому, называя при этом имя человека, который совершенно не умел импровизировать. Тот вынужден был стать запевалой и продолжать вести круг, что вызывало веселое оживление среди исполнителей» [26, с. 55-56].

Таким образом, важным результатом проведенного исследования являются объективные научные сведения о запеве Ёхорье, основанные на большом массиве фактологического материала. По нашему мнению, полученные результаты позволяют осуществить реконструкцию исходного, наиболее древнего варианта запева Ёхорье.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод об архаичности происхождения коллективного запева Ёхорье. По нашему мнению, рассматриваемый запов является характерным культурным элементом этнографического комплекса эвенов

разных локальных групп западных эвенков – носителей катангского антропологического типа байкальской расы. Исходный генезис запева взаимосвязан с ритуальными традициями эвенков – культами солнца, отцовского рода и медведя. Этимология основных строк запева связывается с символикой кровного родства. Структура запева типологически соответствует музыкальным традициям северных тунгусов. При значительном многообразии локальных традиций наиболее древним следует считать вариант запева, характеризующийся преобладанием мужской исполнительской традиции, неравномерным циклическим ритмом действия, коротким содержанием запевных строк, состоящих из выкриков-призывов, что сближает запев *Ёнорье* с различными вариантами запева северных тунгусов *Хэдьэ/Хада*. Перспективы дальнейшего исследования научной темы видятся нами в сравнительном анализе коллективных запевов разных локальных групп эвенков и прикладной научно-практической деятельности по восстановлению музыкальных традиций тунгусо-маньчжурских народов.

Л и т е р а т у р а

1. Маак, Р. К. Описание Вилюйского округа / Р. К. Маак. Ч. III. – Санкт-Петербург : Типография и Хромофотография А. Траншеля, 1887. – 192 с., X–XVII, 9 л. ил.
2. Мордвиновъ, А. Инородцы, обитающие в Туруханскомъ краѣ / А. Мордвинов // Вѣстникъ Императорскаго Русскаго географическаго общества. – Санктпетербургъ: въ типографіи В. Безобразова и комп., 1860. – Ч. XXVIII. – С. 25–64.
3. Кларкъ, П. Очеульскіе и тутурскіе тунгусы въ Верхоленскомъ округѣ / П. Кларк // Записки Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества. – Иркутскъ : Въ типографіи штаба войск, 1863. – Книжка VI. – С. 87–96.
4. Варламова, Г. И. Обрядовый и песенный фольклор эвенков / Г. И. Варламова // Обрядовая поэзия и песни эвенков / составители Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. – Новосибирск : Гео, 2014. – С. 12–41.
5. Варламова, Г. И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора Г. И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 376 с.
6. Алексеев, А. А. Древний календарь эвенов / А. А. Алексеев // Язык – миф, культура народов Сибири : сборник научных трудов – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1994. – С. 178–188.
7. Туголуков, В. А. Следопыты верхом на оленях / В. А. Туголуков. – Москва : Наука, 1969. – 213 с.
8. Красноярский краевой краеведческий музей [КККМ], Ф. 8119, Оп. 1ПИ, Ед. хр. 353, Лл. 1–3.
9. Czaplicka, M. A. My Siberian Year / M. A. Czaplicka. – London : Mills & Boon Ltd., 1916. – 316 p.
10. Эвенкийско-русский словарь / составитель А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2004. – 798 с.
11. Василевич, Г. М. Суффиксы и частицы / Г. М. Василевич // Эвенкийско-русский словарь / составитель Г. М. Василевич. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – Ч. 2. – С. 744–799.
12. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / ответственный редактор В. И. Цинциус. – Ленинград : Наука, 1977. – Т. 2. – 992 с.
13. A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus, photogaved from manuscripts / ed. S. M. Shirokogoroff. – Tokyo : The Minzokugaku Kyokai, 1944. – 256 p.
14. Варламов, А. Н. Сонинги Дулин Буга : этногенез и этническая история эвенков / А. Н. Варламов. – Новосибирск : Наука, 2022. – 704 с.
15. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / ответственный редактор В. И. Цинциус. – Ленинград : Наука, 1975. – Т. 1. – 672 с.
16. Жорницкая, М. Я. Народные танцы Якутии : автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / М. Я. Жорницкая ; Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва, 1965. – 21 с.
17. Жорницкая, М. Я. Народные танцы Якутии / М. Я. Жорницкая. – Москва : Наука, 1966. – 166 с.
18. Шарина, С. И. Функционирование фольклора в среде эвенов Якутии / С. И. Шарина, Р. П. Кузьмина // Научный диалог. – 2019. – № 10. – С. 295–308.

19. Акты архивов Якутской области (с 1650 г. до 1800 г.) / составитель Е. Д. Стрелов. – Якутск : Издательство Якутской областной ученой архивной комиссии, 1916. – Т. 1 [и един.]. – [VI], 308 с.
20. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / составитель Г. М. Василевич. – Ленинград : Издательство института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. – 290 с.
21. Варламов, А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков / А. Н. Варламов. – Санкт-Петербург : Лань, 2018. – 308 с.
22. Анисимов, А. Ф. Культ медведя у эвенков / А. Ф. Анисимов // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей (XX век). – Москва : Северные просторы, 2001. – С. 23–34.
23. Кустов, А. Ф. Эвенкийское народное музыкальное творчество / А. Ф. Кустов // Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов : Тезисы докладов и сообщений Международной конференции. – Якутск, 2000. – С. 63–65.
24. Айзенштадт, А. М. Песенная культура эвенков / А. М. Айзенштадт. – Красноярск : Книжное издательство, 1995. – 288 с.
25. Шейкин, Ю. И. Обрядовые песнопения и лирические песни эвенков / Ю. И. Шейкин, О. Э. Добжанская // Обрядовая поэзия и песни эвенков / составители Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. – Новосибирск : Гео, 2014. – С. 42–78.
26. Жорницкая, М. Я. Народная хореография локальных групп эвенков и эвенов / М. Я. Жорницкая // Новое в этнографии (Полевые исследования). Вып. I. – Москва : Наука, 1989. – С. 54–60.

References

1. Maak, R. K. Opisanie Vilyujskogo okruga / R. K. Maak. Ch. III. – Sankt-Peterburg : Tipografiya i Hromolitografiya A. Transhelya, 1887. – 192 s., X-XVII, 9 l. il.
2. Mordvinov", A. Inorodcy, obitayushchie v Turuhanskom" kraĭ / A. Mordvinov // Vĕstnik" Imperatorskago Russkago geograficheskago obshchestva. – Sanktpeterburg": v" tipografii V. Bezobrazova i komp., 1860. – Ch. XXVIII. – S. 25–64.
3. Klark", P. Ocheul'skie i tuturskie tungusy v" Verholenskom" okrugĕ / P. Klark // Zapiski Sibirskago otdĕla Imperatorskago Russkago geograficheskago obshchestva. – Irkutsk" : V" tipografii shtaba vojsk, 1863. – Knizhka VI. – S. 87–96.
4. Varlamova, G. I. Obryadovyy i pesennyj fol'klor evenkov / G. I. Varlamova // Obryadovaya poeziya i pesni evenkov / sostaviteli G. I. Varlamova, Yu. I. Shejkin. – Novosibirsk : Geo, 2014. – S. 12–41.
5. Varlamova, G. I. Epicheskie i obryadovye zhanry evenkijskogo fol'klora G. I. Varlamova. – Novosibirsk : Nauka, 2002. – 376 s.
6. Alekseev, A. A. Drevnij kalendar' evenov / A. A. Alekseev // Yazyk – mif, kul'tura narodov Sibiri : sbornik nauchnyh trudov – Yakutsk : Izd-vo YAGU, 1994. – S. 178–188.
7. Tugolukov, V. A. Sledopyty verhom na olenyah / V. A. Tugolukov. – Moskva : Nauka, 1969. – 213 s.
8. Krasnoyarskij kraevoj kraevedcheskij muzej [KKKM], F. 8119, Op. 1PI, Ed. hr. 353, Ll. 1–3.
9. Czaplicka, M. A. My Siberian Year / M. A. Czaplicka. – London : Mills & Boon Ltd., 1916. – 316 p.
10. Evenkijsko-russkij slovar' / sostavitel' A. N. Myreeva. – Novosibirsk : Nauka, 2004. – 798 s.
11. Vasilevich, G. M. Suffiksy i chasticy / G. M. Vasilevich // Evenkijsko-russkij slovar' / sostavitel' G. M. Vasilevich. – Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1958. – Ch. 2. – S. 744–799.
12. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov / otvetstvennyj redaktor V. I. Cincius. – Leningrad : Nauka, 1977. – T. 2. – 992 s.
13. A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus, photographed from manuscripts / ed. S. M. Shirokogoroff. – Tokyo : The Minzokugaku Kyokai, 1944. – 256 p.
14. Varlamov, A. N. Soningi Dulin Buga : etnogenez i etnicheskaya istoriya evenkov / A. N. Varlamov. – Novosibirsk : Nauka, 2022. – 704 s.
15. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov / otvetstvennyj redaktor V. I. Cincius. – Leningrad : Nauka, 1975. – T. 1. – 672 s.

16. Zhornickaya, M. Ya. Narodnye tancy Yakutii : avtoreferat dis. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk / M. YA. Zhornickaya ; Akademiya nauk SSSR, Institut etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya. – Moskva, 1965. – 21 s.
17. Zhornickaya, M. Ya. Narodnye tancy Yakutii / M. YA. Zhornickaya. – Moskva : Nauka, 1966. – 166 s.
18. Sharina, S. I. Funkcionirovanie fol'klora v srede evenov Yakutii / S. I. Sharina, R. P. Kuz'mina // Nauchnyj dialog. – 2019. – № 10. – S. 295–308.
19. Akty arhivov Yakutskoj oblasti (s 1650 g. do 1800 g.) / sostavitel' E. D. Strelov. – Yakutsk : Izdatel'stvo Yakutskoj oblastnoj uchenoj arhivnoj komissii, 1916. – T. 1 [i edin.]. – [VI], 308 s.
20. Materialy po evenkijskomu (tungussskomu) fol'kloru / sostavitel' G. M. Vasilevich. – Leningrad : Izdatel'stvo instituta narodov Severa CIK SSSR im. P. G. Smidovicha, 1936. – 290 s.
21. Varlamov, A. N. Specifika istorizma v fol'klоре evenkov / A. N. Varlamov. – Sankt-Peterburg : Lan', 2018. – 308 s.
22. Anisimov, A. F. Kul't medvedya u evenkov / A. F. Anisimov // Narody Krajnego Severa i Dal'nego Vostoka Rossii v trudah issledovatelej (XX vek). – Moskva : Severnye prostory, 2001. – S. 23–34.
23. Kustov, A. F. Evenkijskoe narodnoe muzykal'noe tvorcestvo / A. F. Kustov // Muzykal'naya etnografiya tunguso-man'chzhurskih narodov : Tezisy dokladov i soobshchenij Mezhdunarodnoj konferencii. – Yakutsk, 2000. – S. 63–65.
24. Ajzenshtadt, A. M. Pesennaya kul'tura evenkov / A. M. Ajzenshtadt. – Krasnoyarsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1995. – 288 s.
25. Shejkin, Yu. I. Obryadovye pesnopeniya i liricheskie pesni evenkov / Yu. I. Shejkin, O. E. Dobzhanskaya // Obryadovaya poeziya i pesni evenkov / sostaviteli G. I. Varlamova, Yu. I. Shejkin. – Novosibirsk : Geo, 2014. – S. 42–78.
26. Zhornickaya, M. Ya. Narodnaya horeografiya lokal'nyh grupp evenkov i evenov / M. Ya. Zhornickaya // Novoe v etnografii (Polevye issledovaniya). Vyp. I. – Moskva : Nauka, 1989. – S. 54–60.

ВАРЛАМОВ Александр Николаевич – д. филол. н., в. н. с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

VARLAMOV Alexander Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN) Russian Academy of Sciences Siberian Branch.